

МИХАИЛ Н. ВАНДЫШЕВ

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0001-9344-4185

НАТАЛЬЯ В. ВЕСЕЛКОВА

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0002-0855-8901

ЕЛЕНА В. ПРЯМИКОВА

Уральский федеральный университет, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0002-6783-008X

Меморативный ландшафт: концепция и опыт применения

doi: 10.22394/2074-0492-2022-1-69-94

69

Резюме:

Обращение к терминологии ландшафта в исследованиях городской памяти может показаться избыточным на фоне сложившихся языков описания и дискурсивных практик коммеморации. Тем не менее, многообразие уже обозначенных ландшафтов и подходов к их изучению показывает эвристический потенциал понятия. Во-первых, сам по себе ландшафт указывает на топографичность, ядерную связь с местом. Во-вторых, задается

Вандышев Михаил Николаевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета. Научные интересы: исследования памяти, исследования городского пространства. Веселкова Наталья Вадимовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета. Научные интересы: исследования памяти, исследования городского пространства, биографический подход. E-mail: vesselkova@yandex.ru

Прямикова Елена Викторовна — доктор социологических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры философии, социологии и культурологии; Уральский федеральный университет, Уральский государственный педагогический университет. Научные интересы: социология образования, исследования памяти, исследования городского пространства. E-mail: pryamikova@yandex.ru
Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 21-18-00418 Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ).

Acknowledgements: The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (project 21-18-00418 “Small Town Museum: Multiple Cultures of Memory (Historical and Sociological Analysis”).

пространственная рамка — будь то город, знание или какие-то воспоминания, связанные с определенной территорией. В-третьих, и пожалуй, это самое важное, ландшафт позволяет связывать разнородные элементы в нечто целостное. В ландшафте, с одной стороны, удивительным образом проявляется политика памяти — что выделить и разместить на первом плане, а что лучше не замечать и игнорировать. С другой стороны, сквозь такой дизайн памяти ризоматически «прорастают» спонтанные элементы, связанные с личными воспоминаниями жителей, городских сообществ и т.п. В статье выделены элементы структуры меморативного ландшафта (МЛ): содержательные, пространственные, временные, коммуникативно-деятельностные и процессуальные. Предложена рабочая модель элементов и критериев, характеризующих МЛ города. Особенно МЛ показаны на примере двух малых российских городов: Инты (Республика Коми, приполярный Урал) и Котельнича (Кировская область), равных по величине, но отличающихся по длительности существования. Эмпирический материал был собран летом 2021 г. с помощью комплекса методов — интервью, наблюдения, изучения документов. Разнообразие конфигураций МЛ демонстрирует уникальность каждого города, в том числе и за счет деятельности агентов коммеморации.

Ключевые слова: меморативный ландшафт, малый город, практики коммеморации, характеристики меморативного ландшафта, места памяти

70

Mikhail N. Vandyshev¹

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Natalya V. Veselkova²

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Elena V. Pryamikova³

Ural Federal University, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

Memorative Landscape: Concept and Experience

Abstract:

The use of landscape terminology in the studies of urban memory may seem redundant against the background of the established languages of

-
- 1 Vandyshev Mikhail Nikolaevich — Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University. Research interests: Memory Studies, Urban space.
  - 2 Veselkova Natalya Vadimovna — Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University. Research interests: Memory Studies, Urban space, Biographical approach. E-mail: veselkova@yandex.ru
  - 3 Pryamikova Elena Viktorovna — Doctor of Sciences in Sociology, Senior Researcher, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies; Ural Federal University, Ural State Pedagogical University. Research interests: Sociology of Education, Memory Studies, Urban space. E-mail: pryamikova@yandex.ru

description and discursive practices of commemoration. Nevertheless, the variety of already identified landscapes and approaches to their study illustrates the heuristic potential of the concept. Firstly, the landscape itself indicates a topography, a nuclear connection with the place. Secondly, a spatial frame is set — be it a city, knowledge or some memories associated with a certain territory. Thirdly, and perhaps most importantly, the landscape makes it possible to connect dissimilar elements into something whole. In the landscape, the policy of memory is surprisingly manifested — what to highlight and place in the foreground, and what is better not to notice and ignore. On the other hand, spontaneous elements associated with the personal memories of residents and urban communities rhizomatically “sprout” through such a design of memory. The article highlights elements of the memorial landscape structure: content, spatial, temporal, communicative-activity and procedural. Its features are demonstrated on the example of two small Russian cities: Inta (Komi Republic, Subpolar Urals) and Kotelnich (Kirov Region); equal in size, but differing in their duration of existence.

Keywords: memorial landscape, small town, commemoration practices, characteristics of the memorative landscape, places of memory

В мае 2019 г. указом президента РФ ряду российских аэропортов были присвоены имена «лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством» [Официальный ... 2019; Буланов 2019], топонимическая система страны дополнилась 44 символическими указателями. А поскольку большинство из этих аэропортов имеют статус международных, эти имена включились и в мировую топонимическую карту. Гораздо меньшей видимостью, но тем же смыслом дополнительно поименовать место и увековечить имя обладают практики присвоения имени и/или установления мемориальной доски погибшим в Афганистане (и других горячих точках) в школах и техникумах, где учились эти молодые люди.

Приведенные сюжеты взяты из безбрежного моря практик, увязывающих работу памяти с различными локациями, вместе с тем они уже в первом приближении указывают на различия по масштабу, видимости, инициативы сверху и снизу. Мы предпринимаем попытку систематизации и теоретического осмысления этих и других критериев через концепцию меморативного ландшафта.

Меморативный ландшафт: попытка фокусировки

Погружаясь в тематику ландшафта, мы не ожидали столь широкой, чтобы не сказать вездесущей, его представленности в современной социально-гуманитарной науке. В популярности ландшафтной метафоры прочитываются следы пространственного поворота,

в связке с памятью дающего до сих пор продуктивные исследовательские решения. В то же время всеядность ландшафтного теоретизирования ставит под сомнение его аналитический потенциал [Веселкова 2022]. Чтобы избежать его критического размывания и растворения, с одной стороны, и для выстраивания собственной концепции, с другой, необходимы, во-первых, систематизация релевантных подходов, чему посвящен настоящий раздел, и, во-вторых, конкретизация в рамках своего видения в следующем разделе.

Меморативный ландшафт (МЛ) мы определяем как вид культурного ландшафта, который относится к сфере культуры памяти. Концептуализация опирается на ряд близких идей о культурном ландшафте, ландшафте знания, ландшафте культурной памяти, коммеморативном ландшафте. Все они рассматривают территорию сквозь призму культурных смыслов, но различаются акцентами: одни делают упор на пространство, другие — на знания, третьи — на память, далее они анализируются с учетом этой группировки.

В фокусе — пространство

72

Более общим понятием, относительно которого определяется МЛ, служит культурный ландшафт, понятие школы теоретической географии Бориса Родомана, развиваемое Владимиром Каганским. Оно фокусирует внимание на герменевтике ландшафта, т. е. критической интерпретации пространства как своего рода «произведения» людей [Каганский 2001]. «Культурный ландшафт — это единство пространственных тел, форм, функций и смыслов», культурное и природное в нем тесно сплетены, при этом собственно «культурные компоненты» трактуются предельно широко, «почти как синоним всей человеческой деятельности» [Каганский 2013: 50].

Идея культурного ландшафта разрабатывалась Родоманом с начала 1970-х годов в экологическом ключе. Знаковая для того времени тема охраны природы акцентирует внимание на поисках гармонии, сменивших «шторм и натиск», предполагающих, что природу нужно было покорять и осваивать [Веселкова и др. 2016а; 2016б]. Задача — показать цельность ландшафта, на ее решение у Родомана, а потом и у Каганского вовсю работает органицистская метафорика. «Исторически сложившийся культурный ландшафт не склад случайных вещей, а целостный организм» [Родоман 1985: 27] (в публикации 2002 г. вместо «организма» появится «система» [Родоман 2002]). «Мир земной поверхности, где протекает жизнь всех людей, не склад, свалка или смесь отдельных объектов на безразличном или враждебном фоне, а сплошная многослойная ткань. ... Теоретическая география описывает эту ткань с помощью концепции “культурного ландшафта”» [Каганский 2013: 50].

Для того чтобы увязать в гармоническое целое разламывающие территорию противоречия, теоретическим решением стала концепция поляризованного ландшафта, первые публикации по которой появляются также в начале 1970-х: «Большой город и дикая природа рассматриваются как равноценные и аналогично размещенные “полюсы” окружающей среды, взаимозависимые элементы парагенетического природно-антропогенного ландшафтного комплекса, связанные в систему территориальным распределением функций и маятниковыми миграциями людей» [Родоман 2002: 25]. Тем самым поляризованный ландшафт представляет собой «идеальную территориальную структуру культурного ландшафта для гармоничного сосуществования человека и природы» [Родоман 2013: 178, ср. Родоман 2002: 319].

Между полюсами в той же функциональной логике Родоман выделяет «функциональные зоны» (напоминает интуицию, питавшую и «города-сады» Говарда, но сформулированную с куда большим размахом): 1) природные заповедники; 2) загородные природные парки; 3) сельскохозяйственные территории (здесь же промышленные предприятия и научные учреждения, требующие загородного размещения); 4) постоянные городские жилища и обрабатывающая промышленность; 5) центральный деловой район, 6) историко-архитектурный заповедник [Родоман 2002: 26, 27]. Для нас наиболее интересна последняя, историко-культурная зона. По Родоману, это «старое ядро города, превращенное в мемориальный комплекс, охватывает как отдельные исторически или архитектурно ценные здания, так и кварталы рядовых домов, сохраняемые в качестве ландшафтного фона. Здесь происходит *информационное* потребление продуктов культуры, главным образом приезжими» [Там же: 27].

В. Каганский пишет о поляризации российского культурного ландшафта в 2000-е годы, и его выводы куда менее оптимистичны. На одном полюсе оказываются места, чрезвычайно ценностно нагруженные, на другом — «вообще лишенные ценности». В первом случае это «алтарь сакрализованной обыденности», выполняющий демонстрационные функции, которые автор отличает от мест второго типа, придавая большое значение упорядоченности и чистоте (беспорядку и замусоренности). Места первого и второго рода сплошь и рядом тесно соседствуют на всех уровнях пространственной организации, от отдельных мест внутри маленькой квартирке до контраста между региональными столицами, особенно их центрами, и запущенной периферией того же региона. Свойствами поляризационной модели являются, во-первых, ее универсальный характер (поляризация действует на всем российском постсоветском пространстве); во-вторых, резкость перепадов (нет переходной

зоны в виде «некой приличной повседневности»); в-третьих, второй полюс с его грязью и зловонием («экономика в России часто буквально дурно пахнет») отделен от вполне опрятных обитателей этого полюса, не желающих, по мнению Каганского, вступать в контакт со средой обитания («внепространственность повседневной жизни») [Каганский 2013: 60–62].

Таким образом, ландшафт в его целостности, воплощенной локальности, т. е. выделенности и значимости определенного места, утверждается как самостоятельная ценность: «Родной ландшафт — это продукт нашей истории и культуры, важнейшая национальная реликвия» [Родоман 1985: 29]. В этой концепции есть выход на «мемориальный комплекс», создаваемую историей начинку, но они образуют лишь малую часть ландшафта и служат второстепенной линией рассуждений, главная нить которых отдана биосферной взаимосвязи.

В фокусе — знания

74

Еще один аналитический ресурс, работающий на теорию локальности, но подчеркивающий особый аспект знания, дает концепция ландшафтов знания, изложенная Ульфом Маттиазеном [2018], она развивается в контексте подхода «собственной логики городов», наследуя теории Бурдьё о габитусе, капитале и пространстве.

Знания можно трактовать как освоенную, ценностно-насыщенную и используемую информацию, упоминавшуюся, как показано выше, Родоманом применительно к старому ядру города — историко-культурной зоне, но «ландшафты знания» рифмуются уже не с биосферным мышлением в зрелой стадии индустриальности, а с «экономикой знаний» постиндустриального общества. В том же направлении движется идея «мест знания» (*Les lieux de savoir*), развиваемая французским историком и антропологом Кристианом Жакобом и его коллегами [Jacob 2007] по аналогии с «местами человека» (социолога Ф. Дюмона (*lieu de l'homme*) [Dumont, 1968]) и «местами памяти» П. Нора. Эту серию подходов объединяет понимание места не только в территориальном и физическом смысле, но и в символическом выражении [Загряжкина 2016; Крюкова 2017]. Места знания — это пространства, где формируются, распространяются, аккумулируются знания. Местами знания могут быть как физические пространства и конкретные предметы (лаборатории, рабочие кабинеты, университеты, музеи, библиотеки, архивы, цифровые данные), так и идеальные пространства: мир индивида, сообщество ученых с их традициями, пути и способы распространения знаний и др. [Крюкова 2017: 120]. Теория «мест знания», под

которыми подразумеваются физические и идеальные места создания и обмена знаниями, предлагает модели для изучения знаний как символических объектов и средоточия социальных связей, способов их существования во времени и пространстве [Там же: 125].

Города и регионы различаются тем, как они генерируют разнообразные по форме знания (управленческие, производственные, локально-культурные и т.п.). Пространства знаний (knowledgespaces) предназначены для «новых констелляций знания и соединения институтов знания в форме определяющих облик города ландшафтов знания и форм габитуса знания. Культурные кодировки пространств играют при этом ключевую роль» [Маттиазен 2018: 155]. Плюс этого подхода в том, что он показывает динамику постсоциалистических пространств, переживающих болезненные постиндустриальные трансформации. Недостаточность подхода для наших целей обусловлена тем, что речь идет о крупных городах, столицах (у Маттиазена, например, о Берлине) и о любых знаниях вне специальной ориентации на прошлое и собственно память.

75

В фокусе — память

МЛ воплощает работу памяти, поэтому наиболее близкими мы считаем концепции, помещающие в фокус внимания именно память. О распространенности ландшафтной риторики свидетельствует использование понятий без дефиниций как общепонятных. Так, в недавно вышедшей яркой книге Светланы Еремеевой [2021: 107, 108] встречаем «мнемонический ландшафт» (в аннотации) и «мемориальный ландшафт»: под последним автор имеет в виду мемориалы, в конкретном сюжете — новые памятники Сталину, но также, видимо, и нечто более общее.

Можно выделить среди разработанных понятий «ландшафт коллективной памяти» и «коммеморативный ландшафт». Понятие «ландшафт коллективной памяти» разрабатывает в исследованиях памятных мест (кладбищ Западной Сибири 1919–1941 гг.) российский историк Екатерина Красильникова [2015]. В духе *memory studies* она подчеркивает инструментальность коллективной памяти, прослеживая, как она используется социальными группами для достижения своих целей, что неизбежно переводит анализ в плоскость политики памяти [Там же: 9, 10]. Заметим: память не есть что-то внешнее, что социальный субъект берет и использует, но часть субъектности; работа памяти — часть жизнедеятельности субъекта, что, конечно, не отменяет ее инструментальности в контексте политики памяти.

Как и многих других историков, к исследованиям памяти Красильникову подтолкнул «культурный поворот» в гуманитарных науках, этот ракурс обусловил появление также (потенциально) более широкого понятия культурного (культурно-исторического) ландшафта. Оно применяется, в частности, в связи с процессом утраты западносибирскими городами в 20-30-х годах XX в. значительного числа достопримечательностей, в результате чего прежний культурно-исторический ландшафт региона был сильно обеднен и заменен новым [Там же: 4, 115].

Места и практики анализируются как формы коммеморации, памятные места предстают в качестве «объектов материальной среды, обжитой человеком, намеренно созданных с целью запечатления, хранения и трансляции коллективной памяти об актуальных для общества исторических событиях и лицах». Коммеморативные практики при этом рассматриваются как целенаправленная, часто стереотипная и ритуализованная деятельность для сохранения и трансляции коллективной памяти. Отдельно выделяются «салютационные» места и практики, акцентирующие торжественность и особо уважительное отношение к памяти [Там же: 12, 13]. При большом внимании к кладбищам и другим элементам некрокультуры подход Красильниковой [2013; 2015] намного шире, чем в исследованиях *мемориального ландшафта*, сосредоточенного на памятниках и надгробиях¹. Разумеется, встречается расширительное оперирование данным термином как взаимозаменяемым с «коммеморативным ландшафтом» [Rhodes 2019: 28]. Тем не менее мы считаем это различие полезным, чтобы прояснить, почему мы вводим термин «меморативный ландшафт». Он необходим для артикуляции многоплановости (структуру МЛ см. ниже) в отличие от чаще узкоспециализированного «мемориального ландшафта».

Понятие «ландшафт коллективной памяти» используют также авторы Аналитического отчета по социологическому исследованию 2016 г., представленного в рамках доклада Вольного исторического общества. В поиске ответа на вопрос, что представляет собой коллективная память России как ландшафт, задачу исследователи определили следующим образом: «...исследовать ландшафт коллективной памяти в России, основные стратегии работы агентов памяти, ресурсы, ими используемые, и факторы их успеха и неуспеха» [Какое прошлое ... 2017: 6].

1 Примером использования этого термина мемориального ландшафта может служить работа Карен Баптист о придорожных памятниках, там же см. полезный обзор [Baptist 2013: 36-37].

Ландшафт коллективной памяти при этом изучается на предмет тематического устройства. Соотношение доминирующих тем, когда на первом плане оказывается память о победах, а национальные травмы и локальные, региональные истории остаются намного менее проработанными, приводит к выводу, что в России «[л]андшафт коллективной памяти все еще сформирован по принципу классической национальной памяти» [Там же: 12, 13]. Согласно этому и другим исследованиям, изменение культуры памяти, во всяком случае в некоторой ее части, обнаруживает тенденцию к большему разнообразию, включая внимание к трагическому прошлому [Там же; см. также Эппле 2020]. Близкая нам региональная и локальная тематика [Веселкова и др., 2016; Вандышев и др. 2019; 2022] также все больше привлекает внимание [Еремеева 2021: 164–171].

Ландшафт памяти, представленный в виде тематик, конкретизируется в Докладе через работу памяти в настоящем времени (если книги, то как они готовятся сейчас, если памятники, то с точки зрения их установки и т. д.). Тем самым анализируется ландшафт не столько сложившийся, сколько становящийся. Акцент на деятельности очень привлекателен и продуктивен, тем не менее, это только одна из сторон ландшафта.

Понятие «коммеморативного ландшафта»¹ активно разрабатывается в англоязычных исследованиях (как правило, национальной) памяти о рабстве и других сторонах истории США [Gundaker, 2001; Alderman, Dwyer, 2014], в Австралии о войнах и колонизации, а также появлении разнообразных «контрмемориалов» [Graves, Rechnewski 2017; Baguley, Kerby, Andersen 2021]. В изучении коммеморативного ландшафта, по наблюдению Стефена Ханна и Фэрис Ходдер, утвердилась рабочая схема, когда обсуждается главным образом доминирующая в ландшафте тематика социальной памяти; следующим шагом могут раскрываться недопредставленные, скрытые пласты памяти. Предметом анализа становятся стратегии продвижения либо маргинализации определенных тематик, вплоть до «систематической аннигиляции»² [Hanna, Hodder 2015: 210].

1 В знаменитом произведении Дэвида Лоуэнтала «Прошлое — чужая страна» уже в 1985 г. встречается «ландшафт коммеморации» [Lowenthal 1985: 323–324], который в русском издании стал «коммеморативным ландшафтом» [Лоуэнталь 2004: 490]. Термин широкого распространения не получил; возможно, в силу эссеистичности авторского стиля «коммеморативный ландшафт» кажется «метафорическим определением» [Ганюшкина 2013: 95].

2 Использовано выражение Дженнифер Айхштет и Стефена Смола [Eichstedt, Small 2002].

Актуальным аспектом является процессуальность, воспроизводство и изменчивость ландшафта. Роберт Кайзер и Елена Никифорова исследуют реконфигурацию коммеморативных ландшафтов и культурную политику памяти на эстонско-российском пограничье. Под культурной политикой памяти понимается власть, воплощенная и вписанная в культурные дискурсы и практики «работы памяти». Ключевым понятием выступает работа памяти: «...ре-наррация и реконструкция прошлого через реконфигурацию коммеморативных ландшафтов, включая новые и восстановленные (или реинтерпретированные) памятники и музеи; новые констелляции культурных событий и фестивалей; новые презентации прошлого в картах, школьных учебниках, туристических путеводителях и других документах; новые выставки в музеях; дискурсы «аутентичности» в отношении архитектурной трансформации мест (включая архитектурные стили, репрезентированные через музеи); официальное и неофициальное использование мест памяти; рассказы местных жителей и перформанс идентичности в и через эти места памяти в повседневной жизни» [Kaiser, Nikiforova, 2006: 935].

78

Пассаж отсылает к избранным текстам по иконографии ландшафта, местам памяти и музейной политике. Для нас же существенны следующие моменты: а) реконфигурируемость ландшафтов, б) особая роль памятников и музеев, в) множественность и разнотипность перечисленных составляющих коммеморативного ландшафта.

Как правило, анализируются только целенаправленно созданные памятные места. На наш взгляд, наряду с таковыми (кладбища, мемориальная топонимика, монументы и проч.), действительно изначально создаваемыми с целью увековечить память, в МЛ следует включать и места другого типа, непреднамеренно возникающие как эффект накопленной работы памяти. Например, затопленный при строительстве водохранилища Пермской ГЭС в 1950-е годы Добрянский завод не планировалось превращать в памятное место, однако в дискурсах и неофициальных экскурсиях в Добрянке, он постепенно, по мере накопления плотности этих практик, становится таковым. Если в намеренно создаваемых частях МЛ сначала создаются объекты, потом вокруг них организуются практики, то в непреднамеренно возникающих, наоборот, сначала появляются практики и лишь спустя какое-то время, если они продолжаются, вырисовывается памятное место.

Некое промежуточное положение между полюсами максимальной и минимальной «намеренности» занимают упоминаемые Е. Красильниковой революционные памятные места, которые «конденсировались» на основе исследовательской работы Истпарта,

сотрудники которого по воспоминаниям участников революционного движения письменно фиксировали, систематизировали и тиражировали сведения о конспиративных квартирах большевиков на «улицах Барнаула, о тайной типографии, об агитационной работе в Бобровском затоне и о первом публичном политическом митинге в Дунькиной роще» [Красильникова 2015: 293]. Подобная работа велась местными отделениями Истпарта, сотрудниками отделов агитации и пропаганды, краеведами по всей стране, что способствовало формированию нового советского ландшафта коллективной памяти [Там же].

Попытка определять МЛ через более общее понятие и его составляющие предпринята Людмилой Мазур: «Меморативный ландшафт рассматривается как проекция историко-культурного ландшафта, непосредственно влияющая на содержание коллективной памяти и локальной идентичности. Он представляет собой совокупность мест (памятники историко-архитектурного и индустриального наследия) и институтов памяти (музеи, библиотеки, архивы), конструирующих пространство памяти, которое может не совпадать с границами города, расширяя или, напротив, сужая их» [2022: 12].

На наш взгляд, это определение дважды сужено: во-первых, выбором в качестве исходной категории историко-культурного ландшафта, что автоматически смещает фокус с памяти на историю, во-вторых, акцентом на формальной, «официальной» стороне, том, что официально признано или по крайней мере воспринимается в качестве наследия, и институциональном каркасе. Вместе с тем институциональная сторона важна, поскольку (опосредовано) выводит на систему деятельности, акторов.

79

Меморативный ландшафт: базовые принципы и характеристики

Наш подход предполагает широкое (и, конечно, более уязвимое) определение МЛ, восходящее, как представлено выше, к культурному ландшафту, с фокусом на пространстве, знаниях, памяти. Конкретизация происходит через методологические принципы и структурные характеристики МЛ.

Методологические принципы

Первый принцип выражается в том, что МЛ включает только локализованные в пространстве элементы. Сквозь призму МЛ мы хотим увидеть, как именно определенные пространства связаны с памятью, а память — с этими пространствами.

Пространство понимается как создаваемое практиками и перемещениями людей в логике теории производства пространства Анри Лефевра [2015], а если заглянуть ранее, то и Флориана Знанецкого. Задолго до того как «опыт города» стал модной категорией, Знанецкий именно в таком ключе анализировал письменные рассказы жителей Познани о своем городе, присланные на конкурс Польского социологического института в 1928 г. Город не вместилище в духе так называемой контейнерной теории, а «гуманистическая целостность», реализуемая «в опыте и деятельности людей». Это означает, что горожан нельзя просто взять и «полностью поместить в эту территорию как дома или трамвай, — пишет Знанецкий. — Они ведь не только тела, но и имеющие определенный опыт и действующие субъекты, и в этом своем качестве не они находятся в городе, а, если так можно выразиться, город находится в сфере их совместного опыта и деятельности. Они его создают как весьма сложную социальную структуру» [Znaniecki, 1931: IX, X, цит. по: Васильев, 2015: 205, см. Веселкова 2022].

Второй методологический принцип описывает процесс работы памяти: необходимо анализировать не только память о личности или событии, но и память о памяти, включая историю меморизации. Как отмечает Кристофер Пост, вслед за Дидией Делайзер, «[м]еста коммеморации и туризма не просто представляют прошлое, <...> они также обладают собственной историей как ландшафты» [Post 2015: 189; DeLyser 1999]. В своей концепции мы хотели представить множественность культур памяти, работу памяти и ее динамику, для анализа которых наиболее продуктивным представляется методологическое решение Джеффри Олика [2012; 2018] с его акцентом на понимании памяти как социальной деятельности с вниманием к процессуальности и структурированию мнемонических практик.

80

Характеристики меморативного ландшафта

Мы выделяем следующие элементы структуры МЛ: содержательные, пространственные, временные, коммуникативно-деятельностные и процессуальные (см. табл. 1).

Содержательный анализ ландшафта и отдельных элементов требует обсуждения конкретных коннотаций и контекстов. В пространственной организации МЛ в развитие идеи Стефана Ханна и Фэрис Ходдер [Hanna, Hodder, 2015: 213, 214; Веселкова 2020; Вандышев и др. 2022] мы различаем физические (памятники, мемориальные таблички, аллеи, парки, музеи, архивы, библиотеки) и нефизические элементы. Последние в свою очередь включают деятельностные составляющие (экскурсии, меморативные маршруты посетителей и местных жителей, а применительно к российской ситуации сюда

же следует отнести работу исследовательских и поисковых групп и отрядов, крупномасштабные акции и проекты) и составляющие, которые существуют виртуально, в том числе в интернет-пространстве. Все они с очевидностью пересекаются и переплетаются, образуя подвижные единства.

По расположению относительно различных категорий пользователей, т. е. доступности, дифференцируем элементы МЛ по степени открытости/закрытости и степени видимости. По характеру связи с местом, на наш взгляд, стоит различать мемориальные элементы: а) установленные без связи с местом; б) имеющие опосредованную и в) прямую связь с местом [Веселкова 2020; 2022]. Временной характеристикой является глубина проникновения в прошлое, а также проработка связи с настоящим и будущим. Так, капсулы времени специализируются на характеристике настоящего и описании будущего, которые должны быть рассмотрены через заданное количество лет уже как прошлое.

Коммуникативно-деятельностные характеристики включают систему акторов, практики и тип носителя. Для системы акторов и практик важно, как организуется деятельность коммеморации и контроль сверху или снизу. По типу носителя (совпадающему в данном случае с каналом коммуникации и типом памяти) — вербальные, визуальные, аудиальные, обонятельные, осязательные и проч., их смешанный характер обозначает актуальность мульти-модального дискурс-анализа. Процессуальный анализ фокусирует внимание на жизненном цикле (в духе логики Дж. Уинтером для мест памяти [Winter 2008; Веселкова и др. 2017]) и динамических характеристик памяти, развиваемых Дж. Оликом [Olick 2012; 2018].

Таблица 1
Характеристики меморативного ландшафта
Characteristics of the memorative landscape

Критерий	Характеристики / Структурные элементы
	Содержательные
Контексты	исторические периоды, коннотации
Тематика	значимые события и места
	Пространственные
Тип пространства	физические/нефизические

Степень доступности	открытость/закрытость, видимость/ невидимость
Связь с местом	без связи, опосредованная связь, прямая связь
Пространственный масштаб	значимость, известность: локальная, региональная, национальная, глобальная
Временные	
Временной масштаб	глубина проникновения в прошлое
Связь модусов времени	темпоральная доминанта, наличие и характер связи между прошлым, настоящим и будущим адресация
Продолжительность	длительность существования, запланированная и фактическая
Коммуникативно-деятельностные	
Система акторов	профессиональные и непрофессиональные
Практики	дискурсивное позиционирование сверху/снизу контроль сверху/снизу эмоциональный посыл
Тип носителя	вербальные, визуальные, аудиальные, обонятельные, осязательные и пр.
Процессуальные	
Жизненный цикл	зарождение, расцвет, угасание
Динамика	темп, ритм, скорость

По каждому критерию представляет интерес устойчивость/изменчивость анализируемых элементов. Система критериев может дополняться и уточняться, но, как мы полагаем, дает рабочую модель описания, приложимую к самым разным ландшафтам, что обеспечивает возможность сравнительного анализа.

Покажем работу некоторых из указанных критериев на примере двух малых российских городов, Инты (Республика Коми, приполярный Урал) и Котельнича (Кировская область). Эмпирический

материал собирался летом 2021 г. с помощью комплекса методов: наблюдения, интервью и проч.¹ Изначально мы выбрали эти два города как одинаковые по величине (около 23 тыс. чел.), но полярные с точки зрения длительности их существования: годом основания Инты считается 1932 г. (специалистам удается протянуть нить истории до XIX в., но не далее [Малофеевская 2004], статус города с 1954 г. Котельнич заявляет об основании в XII в., в статусе города с 1780 г.

История поселения во многом задает контекст меморативного ландшафта, хотя и не предопределяет его целиком. Если город строился и развивался в советское время, чаще всего в центре внимания оказывается история градообразующего предприятия, особенно в моногородах, к каким относится Инта. В период расцвета здесь работали шесть шахт, вокруг них были поселки с развитой инфраструктурой. В постсоветское время добыча угля сократилась, а потом и вовсе прекратилась, что привело к сокращению рабочих мест и оттоку жителей. Если в начале 1990-х здесь проживали 60 700 чел., то в 2021 г. — 23 701 чел. [Численность 2021].

Физические элементы МЛ посвящены шахтерской тематике: сквер шахтерской славы, зал в городском музее выполнены в сугубо глорифицирующем ключе. А высказанная независимо друг от друга разными людьми идея создания отдельного шахтерского музея эмоциональным посылом имеет уже не только гордость, но и очень много горечи, причиной чему служит и упадок отрасли, и недооцененный, недостаточно почитаемый труд шахтеров.

83

Уголь доставался очень дорого, погибло очень много людей, особенно в начале строительства шахт. У меня лично погиб дядя в 1961-м <...> а сейчас им построили скромный камень в честь памяти погибшим шахтерам (ИМ61).

Специфическим контекстом 2021 г. стало широко отмечаемое 100-летие Республики Коми, что усиливало представленность регионально-этнической тематики. Главной же, доминирующей тематикой МЛ в постсоветский период становится ГУЛАГ. На строительстве железной дороги и добыче угля, коим город обязан своим рождением, работало много заключенных и позднее спецпереселенцев. С конца 1980-х годов развернулась разнообразная деятельность по меморизации: установка памятных знаков, музеефикация. Если поначалу основными акторами были непрофессионалы, потомки репрессированных, то акция «Кольцо покаяния», с 2004 г. ежегодно проводимая

1 В двух городах проведены 48 интервью, в ходе которых информанты рисовали ментальные карты. Наблюдение сопровождалось исследовательским фотомэппингом. Привлекались краеведческие источники.

30 октября (репортажи об этом мероприятии обязательно подчеркивают общероссийский масштаб Дня памяти жертв политических репрессий), возникла по инициативе специалистов краеведческого музея. «Кольцо покаяния» состоит из целого ряда памятных знаков, расположенных в характерных локациях (вырытый заключенными женщинами ров, кладбище и ныне застроенные захоронения и т.п.), где меморизация осуществляется в прямой привязке к месту.

Дискурсивно тематика ГУЛАГа сегодня имеет два акцента, показывающих работу с трудным прошлым. Один акцент, его можно назвать условно позитивным, — на культурных достижениях («У нас же такие знаменитости сидели!» (ИЖ49)¹), другой драматически соединяет жизни заключенных и тех, кто их охранял.

У меня дедушка жил в собственном доме, он был выстроен <...>. Рядом <...> дом в дом стоял дом того человека, который его охранял <...>, колодец они делили вместе, т. е. из одного колодца пили. Ну вот ничего, жили как бы. Знали, что один сидел, другой вот так, но здоровались тоже. <...> трагизм вообще как бы ГУЛАГа в этом, в том, что люди, и которые охраняли, и которые сидели здесь, — они все сидели, по сути дела. По сути дела, это такая судьба трагическая <...> и их, и потомков, которые уже здесь родились и в общем-то вынуждены были, мы все вместе учились и в школе, и в детский сад ходили (ИЖ45).

84

Видимость и доступность мест, связанных с ГУЛАГом, очень относительна. Предмет гордости — красивая водонапорная башня — включена в эмблему Инты, ее строительство — одна из городских легенд, рассказывающих о заключенном Артуре Тамвелиусе, создавшем необычный эскиз. Образ башни известен всем горожанам, а вот то, что в ней расположен Музей политических репрессий, знают далеко не все. В ходе мобильных интервью нас дважды привозили на Восточное кладбище к памятнику латышским заключенным «Дзимтеней», но только в одном интервью показали находящийся рядом литовский памятник «Скорбящий ангел», у него другая история, и он известен меньше.

При активной и, на первый взгляд, системной меморизации далеко не все объекты отмечены, часть из них образует латентный ландшафт, обнаружение которого чревато серьезными потрясениями. Информантка рассказывает, как они большой компанией отправились в поход на Джинтуй², где обзрели остатки завода

---

1 Здесь и далее в цитатах из интервью использован шифр, где первая буква означает город (И - Инта, К - Котельнич), следующая — пол информанта; цифрами обозначен возраст.

2 «В 1940-1950-х у станции Джинтуй Северной железной дороги действовал завод по производству извести, разрабатывался известковый карьер. Ра-

и карьера, не подозревая о том, что находятся на месте массового захоронения.

Восхищалась я красотами нашей природы, родины нашей, лесом, морошкой <...>. А оказывается, где мы были?! Это было ужас какой. <...> даже не осталось не то, что там креста, даже камня не осталось, где были похоронены множество этих людей (ИЖ71).

О значимости Абези, поселка в двух часах езды на поезде от Инты, на местной тематической карте ГУЛАГа свидетельствует тот факт, что многие из информантов интересовались, доехали ли мы до Абези, и одобрительно кивали, услышав положительный ответ. В 1999 г. Указом главы Республики Коми кладбищу заключенных Минлага в Абези присвоен статус мемориального [Мемориальное кладбище...], однако это лишь одно, по словам эксперта, из 13 когда-то расположенных здесь кладбищ, от остальных не осталось и следа, так что соотношение манифестируемого и латентного в местном ландшафте оказывается не в пользу первого.

У входа на кладбище еще в 1990 г. силами Вильнюсского общества политссыльных установлен профессионально выполненный «Пылающий крест» (информант называет его «разорванный», «разломленный») литовского скульптора Ионаса Юодишюса, сына погибшего здесь генерала И. Юодишюса. Тут же находится «аллея крестов»: литовский, польский, белорусский, украинский, русский. Эти памятные знаки вроде бы привязаны к месту, но не вполне, ибо поименно большинство захоронений неизвестны, в основном это ряды номерных табличек, очень редко встречаются обустроенные могилы: «...пяти-шести заключенным отдается уважение, там как-то они на слуху, а остальные просто ну как бы в забвении» (ИМ68).

На протяжении ряда лет изучая места памяти в различных городах, мы сталкивались с проявлениями тематики политических репрессий. Обычно это точечные вкрапления в МЛ: памятники (Серов, Сатка), музейные экспозиции и временные выставки (Ревда, Соликамск, Медногорск), порой почти не известные местным жителям (как, например, памятник жертвам коллективизации в Ирбите). Тема репрессий присутствует, но ни в коем случае не составляет

боты осуществляли заключенные штрафных колонн Печорлага. Умерших хоронили на левом берегу реки Изъя рядом с рабочим карьером. Общая численность похороненных не установлена. Место массового захоронения заключенных обнаружено в 2008 г. поисковой экспедицией учащихся Печорского промышленно-экономического техникума [Поход на Джинтуй...].

столь значительной части и не отличается такой системностью, как МЛ Инты.

Совершенно другой вариант МЛ можно наблюдать в г. Котельнич, ведущими тематиками здесь выступают Алексеевская ярмарка и Великая Отечественная война. Алексеевская ярмарка ежегодно проводилась с 1647 по 1929 г. [Историческая справка...]. Сегодня о ней напоминают старые особняки, сохранившиеся торговые ряды.

В привязке к месту работает такая форма меморизации, как планшеты со старыми фотографиями, показывающими, как эти уголки города выглядели ранее: вместе они образуют тщательно выстроенный маршрут, не до конца реализованный проект городских властей. На домах старой части города указаны не только новые, но и старые названия улиц. На примере Котельнича хорошо заметно, как ранее непримиримые элементы старого, дореволюционного, и послереволюционного пришли в некое согласие. В исторической справке имена городских купцов упоминаются в одном ряду с секретарями укома ВКП(б): в 1926 г. в Котельниче случился страшный пожар, город был практически разрушен, и именно местные партийные лидеры настояли на восстановлении поселения [Там же].

86

Контекстом тематики Великой Отечественной войны служит тот факт, что, будучи крупным железнодорожным узлом, Котельнич принимал эшелоны с ранеными и эвакуированными, важной частью МЛ является Братское кладбище, где похоронены умершие от ран в госпиталях. Состояние мемориала там, по оценке эксперта, «желает лучшего. Его обычно к 9 мая максимум подлатали, подкрасили» (КЖ43). В 2010 г. обозначился новый аспект, когда поставили памятник уже не военнослужащим, а эвакуированным, умершим в дороге: «...очень много шло эшелонов. Очевидцы вспоминают, что некуда было трупы складывать на вокзале, в морозные годы. <...> Это мемориал у вокзала, если вы на поезде приехали, то проходили через него. Там 2700 фамилий умерших при эвакуации с западных районов страны» (КМ55). Символично привязка не только к месту у перрона, где ранее стоял вокзал, но и ко времени, памятник открыли 17 июля, когда в 1941 г. пришел первый эшелон с эвакуированными, к этой дате теперь приурочены ежегодные памятные мероприятия.

Развитием военной темы стал памятник маршалу С. Л. Соколову на площади, также получившей его имя. Памятник поставили в 2014 г. недалеко от школы, где учился будущий герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны и боевых действий в Афганистане. Тем не менее, в представлениях горожан очевидной локализации этого памятника нет, наша собеседница показательным образом преуменьшает давность его установки.

Вот построили, например, мемориальную Соколову площадь, но мало кто представляет, что это и вообще для чего это. <...> Был у нас такой маршал, то есть Соколов, да. <...> И несколько лет, может, четыре или три года назад вот появилась площадь Соколова. <...> Очень мало кто представляет, что это (КЖ43).

Показывая это место, женщина признается, что для нее наиболее значимым является старое Братское кладбище.

И в Инте, и в Котельниче спектр агентов коммеморации включает тех, кто занимается этим по долгу службы, и тех, кто действует на общественных началах, порой в одиночку и с разным успехом. Так, сотрудница библиотеки в Инте, ранее много лет занимавшаяся школьным музеем, написала книгу о своем репрессированном отце, электронное издание доступно на сайте библиотеки. В Котельниче мы познакомились с местным жителем, потратившем много сил и времени на организацию Музея фотографии (среди центральных сюжетов которого творчество известного фотографа Николая Шилова), однако заведение сейчас не работает, поскольку организатор и городская администрация не смогли договориться о здании, где мог бы находиться этот музей.

87

Заключение

Концепции, рассматривающие территорию сквозь призму культурных смыслов, различаются акцентами: одни делают упор на пространство, другие — на знания, третьи — на память. МЛ объединяет насыщенные в смысловом отношении места и объекты коллективной/социальной памяти, потенциально способные к актуализации в текущих социальных практиках. На основании собранных эмпирических материалов мы пытались показать, как работают отдельные характеристики МЛ в зависимости от контекста и тематики, временной глубины, привязки к местности и степени доступности и т.п. Собранные вместе, разноликие и разномастные, элементы МЛ образуют подвижное единство, сеть, внутри которой они обладают агентностью.

Два кейса, города Инта и Котельнич, демонстрируют весомые различия МЛ. В Инте при наличии «обязательного набора» памятных знаков (Ленину, Кирову, Чайковскому, героям Великой Отечественной войны и локальных войн второй половины XX в.) на первый план выходит «неудобное» прошлое. Наряду с трудовой доблестью оно выступает осевым, базовым воспоминанием о становлении этого города. Котельнич демонстрирует практики согласия между воспоминаниями о дореволюционных и постреволюционных временах, МЛ тематизируется прежде всего через купеческое прошлое

периода Алексеевской ярмарки и более трагично, чем в Инте, представленную Великую Отечественную войну.

Каждый город уникален в том числе и за счет разнообразных конфигураций его МЛ и продвигающих их агентов коммеморации. Память индивидуальная и коллективная, символические структуры, задающие социальные паттерны воспоминания [Малинова 2018], могут сочетаться в различных вариациях. Мы попытались на примере рассматриваемых городов показать потенциал концепции МЛ с точки зрения его структуры.

Библиография / References

Буланов К. (2019) Путин присвоил аэропортам имена выдающихся россиян. *Ведомости* (<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/05/31/802989-putin-aeroportam>)

— Bulanov K. (2019) Putin named airports the names of prominent Russians. *Vedomosti* (<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/05/31/802989-putin-aeroportam>). — in Russ.

88

Васильев А. Г. (2015) Memory studies в межвоенной Польше. *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*, М.: Аквилон: 195–226.

— Vasiliev A. G. (2015) Memory studies in interwar Poland. *Dialogue with time: almanac of intellectual history*, М.: Akvilon: 195–226. — in Russ.

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. (2019) Малые и средние города Урала: индустриальность как судьба. *Пути России. Границы политики. Сб. статей участников XXV Международного симпозиума, 30-31 марта 2018 г.*, М.: 172–187.

— Vandyshov M. N., Veselkova N. V., Pryanikova E. V. (2019) Small and medium towns of the Urals: industriality as fate. *Ways of Russia. The boundaries of politics. Sat. articles of the participants of the XXV International Symposium, March 30-31, 2018*, Moscow: 172–187. — in Russ.

Вандышев М. Н., Прямикова Е. В., Веселкова Н. В. (2022) *Индустриальная память: масштабы и множественность*, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та (в печати).

— Vandyshov M. N., Pryanikova E. V., Veselkova N. V. (2022) *Industrial memory: scales and plurality*, Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University (in print). — in Russ.

Веселкова Н. В. (2022) Меморативный ландшафт: опыт методологической рефлексии. *Меморативные ландшафты малых городов России и Польши*, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та: 50–61.

— Veselkova N. V. (2022) Memorative Landscape: Experience of Methodological Reflection. *Memorative Landscapes of Small Towns in Russia and Poland*, Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University: 50–61. — in Russ.

Веселкова Н. В. (2020) Феномен школьного музея. *Документальное наследие и историческая наука. Материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного*

50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете, Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та: 104-111.

— Veselkova N. V. (2020) The phenomenon of the school museum. *Documentary heritage and historical science. Materials of the Ural Historical and Archival Forum dedicated to the 50th anniversary of the historical and archival specialty at the Ural University*, Yekaterinburg: Ural University Publishing House: 104-111. — in Russ.

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. (2016) *Места памяти в молодых городах*, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.

— Veselkova N. V., Pryamikova E. V., Vandyshev M. N. (2016) *Sites of Memory in Young Towns*, Ekaterinburg: Ural University Press. — in Russ.

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. (2016) Дискурс природы в молодых городах // *Социологическое обозрение*, 15 (1): 112-133.

— Veselkova N. V., Vandyshev M. N., Pryamikova E. V. (2016) The discourse of nature in young towns. *Russian Sociological Review*, 15 (1): 112-133. — in Russ.

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. (2017) Молодые города: масштабы мест памяти. *Социологическое обозрение*, 16 (3): 36-65.

— Veselkova N. V., Vandyshev M. N., Pryamikova E. V. (2017) Young towns: the scale of places of memory. *Russian Sociological Review*, 16 (3): 36-65. — in Russ.

Ганюшкина Э. А. (2013) Политическое измерение исторического дискурса в Рунете: диалог реальности с виртуальностью. *Южнороссийский журнал социальных наук*, 4: 93-105.

— Ganyushkina E. A. (2013) Political Dimension of Historical Discourse in Runet: Dialogue between Reality and Virtuality. *South Russian Journal of Social Sciences*, 4: 93-105. — in Russ.

Историческая справка о городе Котельнич. *Сайт муниципального образования городского округа города Котельнич*. (<https://kotelnich-omv.ru/>)

— Historical information about the city of Kotelnich. *The site of the municipal formation of the urban district of the city of Kotelnich*. (<https://kotelnich-omv.ru/>). — in Russ.

История города. *Страница краеведа. Сайт библиотеки г. Инта* (<https://cbs-inta.ru/history/index.html>)

— History of the city. *Local history page. Website of the library of Inta*. (<https://cbs-inta.ru/history/index.html>). — in Russ.

Каганский В. (2013) *Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта*. STRELKA, М.: Strelka Press: 50-72.

— Kagansky V. (2013) *How is Russia organized? Portrait of a cultural landscape*. STRELKA, М.: Strelka Press: 50-72. — in Russ.

Красильникова Е. И. (2013). Исторический некрополь Барнаула: преемственность традиций и политика памяти советской власти (конец 1919 — начало 1941 года). *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 1 (27): 109-113.

— Krasil'nikova E. I. (2013) Historic Necropolis of Barnaul: Continuity of Traditions and Policy of Memory of Soviet Power (the End of 1919 — the Beginning of

1941). *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 1 (27): 109-113. — in Russ.

Красильникова Е. И. (2015) Помнить нельзя забыть... Памятные места и меморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.), Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос».

— Krasil'nikova E. I. (2015) Remember not to forget ... *Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919 — mid 1941)*, Novosibirsk: IC NSAU "Golden Ear". — in Russ.

Крихтова Т. М. (2014) Репрезентация этничности в памятниках и связанных с ними практиках на Левашовском мемориальном кладбище. *Этнографическое обозрение*, 2: 139-152.

— Krikhtova T. M. (2014) Representation of Ethnicity in Monuments and Related Practices in the Levashovo Memorial Cemetery. *Ethnographic Review*, 2: 139-152. — in Russ.

Крюкова О. А. (2017) Академический ландшафт международной организации Франкофонии как «Место знания». *Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 3: 119-127.

— Kryukova O. A. (2017) Organisation of La Francophonie's Academic Landscape as a "Place of Knowledge". *Bulletin of Moscow University. Linguistics and intercultural communication*, 3: 119-127. — in Russ.

90

Лефевр А. (2015) *Производство пространства*, М.: Strelka press.

— Lefebvre A. (2015) *Production of space*, М.: Strelka press. — in Russ.

Лоуэнталь Д. (2004) *Прошлое — чужая страна*, СПб.: Владимир Даль, 2004.

— Lowenthal D. (2004) *Proshloye — chuzhaya strana*, SPb.: Vladimir Dal'. — in Russ.

Малевич К. (2004) Лень как действительная истина человечества. *Собр. соч. Т. 5*, М.: Гилея: 178-187.

— Malevich K. (2004) Laziness as the real truth of humanity. *Collection of op. T. 5*, М.: Gilea: 178-187. — in Russ.

Мазур Л. (2022) Предисловие. Меморативный ландшафт: опыт методологической рефлексии. *Меморативные ландшафты малых городов России и Польши, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та: 12-14.*

— Mazur L. (2022) Preface. Memorial landscape: experience of methodological reflection. *Memorative landscapes of small towns in Russia and Poland*, Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University: 12-14. — in Russ.

Малинова О. Ю. (2018) Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о «лихих 90-х». *Политическая наука*, 3: 53-84.

— Malinova O. Yu. (2018) Substantiation of the policy of the 2000s in the discourse of V. V. Putin and the formation of the myth of the "dashing 90s". *Political Science*, 3: 53-84. — in Russ.

Малофеевская Л. Н. (2004) Город на Большой Инте, Сыктывкар.

— Malofeevskaya L. N. (2004) City on the Big Inta, Syktyvkar — in Russ.

Маттиазен М. (2018) Собственные логики городских ландшафтов знания: о динамике коэволюции в развитии городов и знания в городских knowledgescapes. *Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике*, М.: Новое литературное обозрение: 117-192.

— Mattiazzen M. (2018) Own logic of urban landscapes of knowledge: about the dynamics of co-evolution in the development of cities and knowledge in urban knowledgescapes. *Own logic of cities: new approaches in urbanism*, Moscow: New Literary Review: 117-192. — in Russ.

Мемориальное кладбище жертв тоталитарного режима в Абези. *Виртуальный музей ГУЛАГа*. (<http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=26491&language=1>)

— Memorial cemetery for victims of the totalitarian regime in Abezi. *GULAG Virtual Museum*. (<http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=26491&language=1>). — in Russ.

Олик Дж. (2012) Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии. *Социологическое обозрение*, 11(1): 40-74.

— Olik J. (2012) Memory configurations: process-relational methodology illustrated by the example of Germany. *Sociological Review*, 11 (1): 40-74. — in Russ.

Олик Дж. К. (2018) Коллективная память: две культуры. «Память — это не вещь и не предмет. Память — это непрерывный процесс». Интервью с Дж. К. Оликом. *Историческая экспертиза*, 4 (17): 22-49.

— Olik J. K. (2018) Collective Memory: Two Cultures. “Memory is not a thing or an object. Memory is an ongoing process”. Interview with J. K. Olik. *Historical Expertise*, 4 (17): 22-49. — in Russ.

Поход на Джинтуй. Места ГУЛАГа. Листая страницы нашей истории. (<https://vk.com/@tourist.club.pechora-pohod-na-dzhintui-mesta-gulaga-listaya-stranicy-nashei-istor>)

— Hike to Jintui. Places of the Gulag. Leafing through the pages of our history. (<https://vk.com/@tourist.club.pechora-pohod-na-dzhintui-mesta-gulaga-listaya-stranicy-nashei-istor>). — in Russ.

Прямикова Е. В. (2022) Память в малом городе: опыт исследования полярных кейсов. *Меморативные ландшафты малых городов России и Польши*, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та: 61-72.

— Pryanikova E. V. (2022) Memory in a small town: an experience in the study of polar cases. *Memorative Landscapes of Small Towns in Russia and Poland*, Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University: 61-72. — in Russ.

Родман Б. Б. (1971) Некоторые пути сохранения биосферы при урбанизации. *Вестник Московского Университета. География*, 3: 92-94.

— Rodoman B. B. (1971) Some ways of preserving the biosphere during urbanization. *Bulletin of Moscow University. Geography*, 3: 92-94. — in Russ.

Родман Б. Б. (1974) Поляризация ландшафта как средство сохранения биосферы и рекреационных ресурсов. *Ресурсы, среда, расселение*, М.: Наука.

— Rodoman B. B. (1974) Polarization of the landscape as a means of preserving the biosphere and recreational resources. *Resources, environment, resettlement*, Moscow: The Science. — in Russ.

Родоман Б. Б. (1985) *Проблемы сохранения разнообразия и красоты сельскохозяйственных ландшафтов. Сельское хозяйство и охрана природы*, Тарту: ТГУ: 26-30.

— Rodoman B. B. (1985) *Problems of preserving the diversity and beauty of agricultural landscapes. Agriculture and nature protection*, Tartu: TSU: 26-30. — in Russ.

Родоман Б. Б. (2002) Региональная архитектура и культурный ландшафт. *География*, 10: 3-6. (<https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200201002>)

— Rodoman B. B. (2002) Regional architecture and cultural landscape. *Geography*, 10: 3-6. (<https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200201002>). — in Russ.

Родоман Б. Б. (2002) *Поляризованная биосфера*, Смоленск: Ойкумена.

— Rodoman B. B. (2002) *Polarized biosphere*, Smolensk: Oikumena. — in Russ.

Родоман Б. Б. (2013) Поляризованный ландшафт. *Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник*, Смоленск: Ойкумена: 178, 179. — in Russ.

— Rodoman B. B. (2013) Polarized landscape. *Socio-economic geography: concepts and terms. Reference dictionary*, Smolensk: Oikumena: 178, 179. — in Russ.

92

Указ Президента Российской Федерации от 31.05.2019 № 246 «О присвоении аэропортам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством».

(<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905310002?index=0&rangeSize=1>)

— Decree of the President of the Russian Federation of May 31, 2019 No. 246 “On assigning names to airports of persons who have special services to the Fatherland”. (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905310002?index=0&rangeSize=1>). — in Russ.

Хальбвакс М. (2005) Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*, 2-3 (40-41): 8-27.

— Halbwax M. (2005) Collective and historical memory. *Emergency reserve*, 2-3 (40-41): 8-27. — in Russ.

Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года. (<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282?print=1>)

— The resident population of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2021. (<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282?print=1>). — in Russ.

Шихова О. Н. (2022) Роль виртуального музея в переосмыслении историко-культурной памяти малого города. *Меморативные ландшафты малых городов России и Польши*, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та: 167-179.

— Shikhova O. N. (2022) The Role of a Virtual Museum as an Interpreter of the Historical-Cultural Memory of a Small Town. *Memorative Landscapes of Small Towns in Russia and Poland*, Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University: 167-179. — in Russ.

Эппле Н. (2020) *Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах*, М.: Новое литературное обозрение.

— Epple N. (2020) *An Inconvenient Past: The Memory of State Crimes in Russia and Other Countries*, Moscow: New Literary Review. — in Russ.

Юдин Г. Б., Хлевнюк Д. О., Максимова А. С., Фархатдинов Н. Г., Рожанский М. Я., Васильева Е. Ю. (2017) *Какое прошлое нужно будущему России? Аналитический отчет по социологическому исследованию в рамках доклада Вольного исторического общества*, М. (<https://www.politstudies.ru/article/5446>)

— Yudin G. B., Khlevnyuk D. O., Maksimova A. S., Farkhatdinov N. G., Rozhansky M. Ya., Vasilieva E. Yu. (2017) *What past does the future of Russia need? Analytical report on sociological research in the framework of the report of the Free Historical Society*, M. (<https://www.politstudies.ru/article/5446>). — in Russ.

Alderman D. H., Dwyer O. D. (2014) A Primer on the Geography of Memory: The Site and Situation of Commemorative Landscapes. *Commemorative Landscapes of North Carolina. Documenting the American South. University Library, The University of North Carolina at Chapel Hill*. (https://docsouth.unc.edu/commland/features/essays/alderman_two/)

Baguley M., Kerby M., Andersen N. (2021) Counter memorials and counter monuments in Australia's commemorative landscape. *A systematic literature review, Historical Encounters*, 8 (1): 93-120. (<https://doi.org/10.52289/hej8.308>)

Baptist K. W. (2013) Reenchanting Memorial Landscapes: Lessons from the Roadside. *Landscape Journal*, 32 (1): 35-50. (doi:10.3368/lj.32.1.35)

DeLyser D. (1999) Authenticity on the Ground: Engaging the Past in a California Ghost Town. *Annals of the Association of American Geographers*, 89 (4): 602-632.

Eichstedt J. L., Small, S. (2002) *Representations of Slavery. Race, Ideology and Southern Plantations Museums*, Washington, DC: Smithsonian Institution Press.

Fichter-Wolf H., Knorr-Siedow T. (2009) Border Experience and Knowledge Cultures: The Twin Cities of Frankfurt (Oder) and Ślubice. *DisP-The Planning Review*, 45 (178): 7-21.

Graves M., Rechnewski E. (2017) *Black Wars and White Settlement: the Conflict over Space in the Australian Commemorative*. (<http://journals.openedition.org/erea/5821>; DOI : <https://doi.org/10.4000/erea.5821>)

Gundaker G. (2001) At home on the other side: African American burials as commemorative landscapes. *Places of Commemoration: Search for Identity and Landscape Design*, Washington: 25-54.

Hanna S. P., Hodder E. F. (2015) Reading the commemorative landscape with a qualitative GIS. *Social memory and heritage tourism methodologies*, New York.

Hanna S. P., Carter P. L., Potter A. E., Bright C. F., Alderman D. A., Modlin E. A., Butler D. L. (2019). Following the story: narrative mapping as a mobile method for tracking and interrogating spatial narratives, *Journal of Heritage Tourism*, 14 (1): 49-66.

Jacob Ch. (2007) *Les lieux de savoir. Espaces et communautés*, Paris: Albin Michel.

Kaiser R., Nikiforova E. (2006) Borderland spaces of identification and dis/location: multiscalar narratives and enactments of Seto identity and place in the Estonian/Russian borderlands. *Ethnic and Racial Studies*, 25: 928-958.

Khazanov A. M. (2008) Whom to Mourn and Whom to Forget? *(Re)constructing Collective Memory in Contemporary Russia. Totalitarian Movements and Political Religions*, 9 (2-3): 293-310. (doi: 10.1080/14690760802094917)

Kathleen E., Smith (2019) *A Monument for our Times? Commemorating Victims of Repression in Putin's Russia, Europe-Asia Studies*. (doi:10.1080/09668136.2019.1648765)

Lowenthal D. (1985) *The past is a foreign country*, Cambridge: University Press.

Rhodes M. (2019) *The memory work of Welsh heritage: Multidimensional landscapes of a multinational Wales*. PhD dissertation, Kent State University.

Рекомендация для цитирования:

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. (2022) Меморативный ландшафт: концепция и опыт применения. *Социология власти*, 34 (1): 69-94.

For citations:

Vandyshv M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. (2022) Memorative Landscape: Concept and Experience. *Sociology of Power*, 34 (1): 69-94.